

УДК 355.01+ 94

Стоянович М.¹**РОЛЬ ВОЙНЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕНТИТЕТА**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

THE ROLE OF WAR IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Tula State University

Аннотация: В статье рассматривается многогранное влияние войны как социально-политического явления на процессы становления и укрепления национального идентитета. Анализируются механизмы, посредством которых вооружённые конфликты способствуют консолидации этнических и национальных сообществ, обострению границ между «своими» и «чужими», а также эмоциональной и символической мобилизации. Особое внимание уделяется двойственной природе насилия, способного одновременно разрушать старые и созидать новые идентификационные модели. Показано, что переживание внешней угрозы усиливает внутригрупповую солидарность, актуализирует историческую память и мифологию, а также закрепляет дихотомию «друг – враг» в коллективном сознании. Теоретическую основу работы составляют концепции этничности, национализма и политического насилия, развитые в трудах зарубежных и отечественных исследователей.

Ключевые слова: война, национальный идентитет, этнический конфликт, насилие, мобилизация, образ врага, друг – враг, коллективная память, солидарность.

Abstract: The article examines the multifaceted influence of war as a socio-political phenomenon on the formation and reinforcement of national identity. It analyzes the mechanisms through which armed conflicts contribute to the consolidation of ethnic and national communities, the sharpening of boundaries between «us» and «them», as well as emotional and symbolic mobilization. Special attention is paid to the dual nature of violence, which can simultaneously destroy old identification patterns and create new ones. It is shown that the experience of external threat strengthens intragroup solidarity, activates historical memory and mythology, and reinforces the dichotomy of «friend–enemy» in collective consciousness. The theoretical framework draws on concepts of ethnicity, nationalism, and political violence developed by international and domestic scholars.

Keywords: war, national identity, ethnic conflict, violence, mobilization, enemy image, friend–enemy, collective memory, solidarity.

---

¹ Стоянович Милан – старший преподаватель кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

1. Введение

Война представляет собой один из наиболее мощных факторов, воздействующих на индивидуальное и коллективное самосознание. Её исключительное место в истории человечества и предельная интенсивность порождаемых ею переживаний оказывают глубокое трансформирующее влияние на характер, мировосприятие и культуру людей. Как справедливо подчёркивается в литературе, насилие и связанные с ним воспоминания не только сопровождают становление идентитета, но и входят в фундамент национальных идеологий множества этнических и национальных групп (Smith, 1996). По этой причине отделить воздействие войны на идентичность от психологических, социологических, исторических, культурных, религиозных и государственно-политических факторов практически невозможно: все они переплетены в едином процессе формирования и утверждения коллективного «я» (Durbin, Bowlby, 1964, с. 94).

Мощный эмоциональный заряд, которым обладает военный опыт, придаёт культурному и политическому дискурсу такую убедительность, какой невозможно достичь никакими иными средствами. Война, таким образом, выступает не только как разрушительная сила, но и как двигатель социокультурного строительства: она созидает идентитет, общество и саму нацию, обнаруживая уникальную способность одновременно сокрушать и возводить, уничтожать и творить (Tolman, 1964, с. 174–176).

2. Непосредственное влияние насилия на национальный идентитет

Будучи формой организованного политического насилия, разворачивающегося, как правило, между этническими или национальными сообществами, война выходит далеко за рамки индивидуального опыта и охватывает всю группу. Угроза физическому существованию и самому идентитету коллектива обычно приводит к его мобилизации и сближению его членов. Тенденция индивида отождествлять себя с группой столь универсальна, что представляется почти аксиоматичной; более того, она глубоко рациональна, поскольку сообщества, в которых мы воспитаны, становятся неотъемлемой частью нашего «я», и мы воспринимаем происходящее с ними как происходящее с нами самими (Durbin, Bowlby, 1964, с. 94). Социобиологические исследования подтверждают наличие устойчивых предрасположенностей к формированию внутригрупповых связей, определению их границ и установлению особых моделей кооперации и доверия в этих пределах (Goetz, 1996).

Этнический идентитет представляет собой один из возможных объектов личностной идентификации, но при этом он является одним из самых мощных инструментов

проведения границ между «своими» и «чужими», а также выстраивания доверия и сотрудничества внутри сообщества. Именно в очерченных таким образом рамках чувства привязанности и лояльности обретают наибольшую силу. Люди склонны определять себя через то, что отличает их от других, и часто используют политику не только для продвижения интересов, но и для утверждения собственного идентитета, причём последний нередко конституируется через оппозицию к иному. Как отмечает С. Хантингтон, людей объединяет скорее общее чувство враждебности, нежели преданность общей культуре (Huntington, 2000, с. 354). Иными словами, мы знаем, кто мы, лишь тогда, когда знаем, кем мы не являемся и против кого мы (Huntington, 2000, с. 28, 73; Стоянович, Историческая, 2026, с. 35-48).

В современном мире, несмотря на глобализационные тенденции к унификации, национальная принадлежность по-прежнему выступает центральным элементом легитимации государственных институтов. Солидарность, проистекающая из общего национального чувства, обеспечивает поддержку государству именно потому, что люди, разделяющие одну национальность, разделяют и понимание того, где должны пролегать метафорические и физические границы их политического сообщества (Schöpflin, 2000, с. 326–327). В то же время в периоды политических кризисов и угроз безопасности массовая лояльность к национальному государству способна превращаться в мощный катализатор войны, особенно когда она подкрепляется национальными мифами, прославляющими моральную и физическую мощь государства, а также индивидуальным поиском идентитета через государство (Levy, 1989, с. 209–333).

Сила этничности в значительной степени коренится в восприятии общности исторической судьбы. Этническую группу можно определить как коллектив, обладающий реальными или предполагаемыми воспоминаниями о совместном происхождении и прошлом, а также культурным фокусом на одном или нескольких символических элементах, выступающих как квинтэссенция нации (Schermerhorn, 1970, с. 12). Именно это интуитивное убеждение в общем происхождении придаёт этнонациональному идентитету глубину и мощь, превосходящие иные типы идентификации, такие как класс, вероисповедание или регион (Connor, 1992, с. 53). За общими переживаниями или восприятием этих переживаний в исторической перспективе, за одинаковым «обращением» с членами группы со стороны «других» встаёт ощущение общей судьбы (Williams, 2004, с. 26).

В условиях стремительных и нестабильных перемен этнические и религиозные корни приобретают ещё большую притягательность, предоставляя людям островки определённости. Как подчёркивает Хантингтон, люди не могут действовать рационально, не

определив предварительно своё «я»; политика интересов предполагает наличие идентитета. Когда устоявшиеся идентитеты распадаются, возникает потребность в редефиниции, и тогда этничность и религия предлагают логически и эмоционально приемлемые модели, дающие, по крайней мере иллюзорное, чувство безопасности и исключительности. Именно к таким якорям – крови и вере, семье и традиции – обращается человек в периоды кризиса идентичности (Huntington, 2000, с. 107, 140).

Анимозитет и враждебность между представителями разных этнических и национальных сообществ проистекают из чувства превосходства (или, иногда, неполноценности) по отношению к тем, кто воспринимается как радикально иной, из страха и недоверия, из коммуникативных барьеров, обусловленных языком и принятыми социальными нормами, а также из незнакомства с предпосылками, мотивацией и социальной практикой других людей (Huntington, 2000, с. 143–144). При этом недоверие и вражда не являются исключительными свойствами этнических групп или продуктами национализма как такового: они суть следствие процессов классификации и разграничения, лежащих в основе любого группового идентитета. Потребность во врагах – конкурентах, соперниках, противниках – укоренена в самой человеческой природе: мы естественным образом не доверяем тем, кто отличается от нас и может причинить вред (Huntington, 2000, с. 144–145).

3. Внешняя угроза и интенсификация групповой солидарности

Многочисленные исследования межэтнических конфликтов подтверждают тезис о том, что внешнее давление усиливает чувство групповой идентичности (Bowman, 2001, с. 25–46; Williams, 2004; Horowitz, 1985). Этногенез нередко активизируется именно в ходе затяжных конфронтаций. Насилие обладает уникальной способностью радикально переформатировать коллективные лояльности и перекраивать социальные границы. Как справедливо замечают И. Шродер и Б. Шмидт, вряд ли существует иной вид социальных отношений, который мог бы с такой же силой пересоздавать коллективы и их лояльности, перечёркивать и укреплять общественные рубежи, как насильственная конфронтация (Shroder, Schmidt, 2001, с. 20). Насилие, таким образом, предстаёт одновременно разрушителем и творцом социальных миров.

Этническая солидарность и конфликт находятся в отношении взаимной обусловленности. С одной стороны, предшествующее существование прочных этнических связей создаёт решающую начальную основу для коллективной мобилизации. С другой – по мере развёртывания мобилизации она сама укрепляет внутригрупповые и межгрупповые связи и коллективные идентитеты (Gould, 1991, с. 719). Принадлежность к группе и

лояльность к ней столь глубоки, что при возникновении внешней угрозы люди немедленно встают на её защиту. Ничто не сближает членов группы так, как наличие общего врага; мы никогда не ощущаем столь прочной связи с друзьями, как тогда, когда объединяемся с ними в критике или борьбе против общего противника (Tolman, 1964, с. 175–176; Allport, 1964, с. 182).

Классическая формулировка этой корреляции принадлежит У. Г. Самнеру, согласно которому эффект дружественности и мира внутри «своей группы» и враждебности и войны по отношению к другим группам взаимно обуславливают друг друга. Потребность вести войну с внешними противниками способствует поддержанию внутреннего мира, поскольку внутренние распри ослабили бы способность группы к борьбе. Эта же потребность порождает власть и закон, призванные предотвращать конфликты и насаждать дисциплину. Таким образом, война и мир влияют друг на друга и взаимно развиваются в межгрупповых отношениях: чем ближе и сильнее соседи, тем интенсивнее конфликт и тем прочнее внутренняя организация и дисциплина (Sumner, 1906, с. 12).

Индивиды, сильно идентифицирующие себя со своей этнической или национальной общностью, реагируют на нападение или угрозу, направленную на группу, так, как если бы она была направлена лично на них, вне зависимости от степени их персональной уязвимости. Для участников серьёзного конфликта характерен высокий уровень эмоциональности, прежде всего проникнутый ненавистью гнев с деструктивными намерениями (Wedge, 1986, с. 56). Эмоции придают идеям, идеологиям, идентитетам и даже интересам мотивационную силу. Организаторы и участники движений апеллируют к уже существующим эмоциям – страху, гневу, а также любви (Jasper, 1998, с. 420). Любой политический кризис и вооружённый конфликт порождают взрывоопасную смесь интенсивных позитивных и негативных эмоций, взаимно усиливающих друг друга. Мобилизация на пути к конфликту вызывает сильные чувства обиды, гнева, стыда, которые переплетаются с энтузиазмом, любовью и надеждой. С началом вооружённого столкновения эти эмоции ещё более обостряются, порождая длительные и деструктивные переживания боли, унижения, утраты, а также ненависть и жажду мести. (Стойнович, Война, 2026, с. 21-33).

4. Конструирование образа врага и парадигма «друг – враг»

Насилие воздействует не только непосредственными физическими результатами, но и своей символической мощью. Его зрелищность транслируется сквозь время и пространство, посылая чёткое послание подавляющему большинству тех, кто не затронут им прямо (Shroder, Schmidt, 2001, с. 6). В затяжных конфликтах длительные чувства

враждебности способны кристаллизоваться в чистую ненависть, достаточную для инициирования насилия даже при отсутствии особой провокации. Желание мести становится исключительно мощным компонентом затяжного насильственного противостояния. После многократных циклов насилия само насилие порождает взаимную антипатию и недоверие, которые, в свою очередь, провоцируют новое насилие (Williams, 2004, с. 139). Одновременно конфликт углубляет эмпатию по этническому признаку, усиливает привязанность к сообществу и его символам. В фокусе войны границы одновременно и заостряются, и стираются: сохранить амбивалентную позицию практически невозможно, особенно для членов враждующих общин; личные потери, страдания и постоянное давление быстро превращают человека либо в патриота, либо в предателя. (Стоянович, Война, 2026, с. 21-33)

Самоподдерживающийся характер этнического конфликта был точно описан Н. Кейфицем: когда удары и контрудары накапливаются, порождая чувство несправедливости с одной или с обеих сторон, в коммуникации между теми, кто говорит на одном языке и разделяет одни ценности, акцент смещается на линию раздора, в рамках которой и формируются враждебные чувства (Keyfitz, 1995, с. 213). Каждая из сторон начинает циркулировать информацию в собственном социальном эхо-пространстве, создавая собственную реальность, собственную историю, свой набор фактов и объяснений, отвергая альтернативные интерпретации. В пределе каждый коллектив вырабатывает жёсткую, закрытую идеологическую картину мира. Чем длительнее серия насильственных интеракций, тем выше вероятность того, что конфликт приобретёт автономный самовозобновляющийся характер (Williams, 2004, с. 190).

Насилие также эффективно тем, что, однажды начавшись, оно ставит перед свершившимся фактом те сегменты общества, которые изначально его не поддерживали. Когда «проливается кровь», она быстро заставляет замолчать слабых и нерешительных, оставляя им мало выбора. Осваивая территории, изгоняя население и уничтожая следы его существования, насилие «расчищает» пространство для будущей экзистенции победившей национальной общности, стирая все свидетельства совместной жизни разных групп как в материальном мире, так и в сознании людей. Посредством насилия сложные, многогранные или ослабленные идентитеты уступают место упрощённым, чётко очерченным моделям идентификации, границы вокруг группы делаются непроницаемыми, а «нечистое» превращается в «чистое». (Стоянович, Историческая, 2026, с. 35-48).

Особенно ярко эффект насилия проявляется в том, что оно закрепляет этнический раскол, «доказывает», что общие интересы идут исключительно по линии этого раскола, и

тем самым утверждает представление о национальной или этнической группе как о реальной целостности с объективными интересами, противостоящей другим группам. Насилие навязывает эту этнизированную реальность как нечто естественное, ограничивая будущие политические возможности (Gagnon, 1995). Не только осознание общей идентичности и общей несправедливости, но и страх и потребность в безопасности цементируют групповую солидарность. Глубинный страх уничтожения – одна из сильнейших эмоций, возникающих в этнических конфликтах (Crighton, MacIver, 1991). Именно поэтому люди в ситуации опасности физического истребления тянутся друг к другу, поскольку это повышает их шансы на выживание и сопротивление врагу. Политическая поляризация разрушает прежние отношения и порождает сильные, противоречивые эмоции: враждебность к противнику и одновременно близость и солидарность с членами своей группы. В такие периоды рациональное мышление часто вытесняется эмоционально заряженными мыслями и действиями, что усиливает привлекательность национальных идеологий. Когда всеобщее убеждение в том, что каждый мотивирован страхом и недоверием и потому ссылается на идеологическую легитимность, воспроизводится постоянно, не остаётся нейтрального пространства: амбивалентность исчезает, сменяясь ложной определённой (Schöpflin, 2000, с. 111).

Непосредственный опыт войны служит фундаментом для конструирования и усиления концептуальной рамки «друг – враг», которая задаёт идентитеты и проводит границы между «нами» и «ними». Хотя «другой» нередко дегуманизируется в процессе этнической мобилизации, это не является обязательным условием для резкого разграничения. Согласно знаменитой формулировке Карла Шмитта, специфически политическое различие сводится к различению друга и врага. Враг – это именно иной, чужой, и для его сущности достаточно того, что он в особенно интенсивном смысле экзистенциально отличен и чужд, так что в экстремальном случае с ним возможны конфликты, которые не могут быть разрешены ни заранее установленной генеральной нормой, ни приговором не причастного третьего. Исключительный случай конфликта могут урегулировать только сами участники, и каждый из них сам решает, означает ли чуждость другого отрицание его собственного способа существования и потому должен ли он быть отвергнут или преодолён ради сохранения своего укоренённого в бытии образа жизни (Šmit, 2002, с. 271).

Социальная конструкция «другого» опирается на одну из самых сильных человеческих эмоций – страх. Мобилизовать группу против общего врага невозможно, если этот враг не воспринимается как потенциальная угроза. Страх, как и прочие эмоциональные

ориентации, является культурной конструкцией, включающей риторический процесс, символические ресурсы и репрезентативные формы, посредством которых создаётся демонизированный, дегуманизированный и угрожающий, этнически определённый «другой» (Brubaker, Laitin, 1998, с. 442). В то же время страх далеко не всегда представляет собой массовую галлюцинацию или искусственную конструкцию манипулятивных лидеров; он нередко выступает хорошо обоснованной реакцией на реальную угрозу. Когда общество имеет историю жестоких межэтнических столкновений, когда государство регулирует отношения с нежелательными группами методами насилия, ассимиляции или террора, насилие действительно может казаться единственным выходом. В таких случаях война воспринимается не только как продолжение политики иными средствами, но и как конечная борьба за сохранение специфического образа жизни, системы ценностей, культурного наследия и самого существования сообщества (Bowman, 2001, с. 36). Реальное чувство угрозы может порождаться не только прямыми нарушениями прав человека, но и многочисленными формами «тихой» дискриминации, которая отнюдь не является менее реальной от того, что не носит открыто насильственного или массового характера. Многие этнические конфликты вызваны именно невозможностью удовлетворения потребностей в признанном и самобытном идентитете, в защите дорогих сердцу символов, ценностей и связей, а также в праве голоса при принятии коллективных решений, касающихся жизненно важных интересов. Поэтому вражда и конфликты, основанные на этнических различиях, как правило, включают чувства несправедливости и депривации, общие для множества индивидов, разделяющих идентитет, из чего следует, что они разделяют и общую судьбу (Williams, 2004, с. 113).

5. Заключение

Анализ показывает, что война является не только деструктивным, но и мощным созидательным фактором в процессе формирования и укрепления национального идентитета. Её уникальность заключается в способности одновременно разрушать старые социальные ткани и формировать новые коллективные самоопределения. Через переживание общей угрозы, страха и боли, через кристаллизацию образа врага и актуализацию исторической памяти происходит консолидация сообщества, обостряются границы между «своими» и «чужими», а национальное чувство получает мощную эмоциональную подпитку. Двойственная природа насилия, создающего и уничтожающего одновременно, делает его центральным элементом современных нациестроительных процессов и ключевым катализатором этнополитической мобилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Allport G.W. The Role of Expectancy // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 177–193.
2. Bowman G. The Violence on Identity // *Anthropology of Violence and Conflict* / ed. I.W. Shroder, B.E. Schmidt. – London: Routledge, 2001. – P. 25–46.
3. Brubaker R., Laitin D.D. Ethnic and Nationalist Violence // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 423–452.
4. Connor W. The Nation and its Myth // *Ethnicity and Nationalism* / ed. A.D. Smith. – Leiden: E.J. Brill, 1992. – P. 48–57.
5. Crighton E., MacIver M.A. The Evolution of Protracted Ethnic Conflict: Group Dominance and Political Underdevelopment in Northern Ireland and Lebanon // *Comparative Politics*. – 1991. – Vol. 12, № 2. – P. 127–142.
6. Durbin E.F.M., Bowlby J. Personal Aggressiveness and War // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 81–103.
7. Gagnon V.P., Jr. Ethnic Conflict as an Intra-Group Phenomenon: A Preliminary Framework // *Revija za sociologiju*. – 1995. – Vol. 26, № 1–2. – S. 81–90.
8. Goetz D. Evolution and the Origins of Ethnic Identity: Paper presented at the Annual Meeting of the Western Political Science Association, San Francisco, California, March 14–16, 1996.
9. Gould R.V. Multiple Networks and Mobilization in the Paris Commune, 1871 // *American Sociological Review*. – 1991. – Vol. 56, № 6. – P. 716–729.
10. Hantington S. Sukob civilizacija / prev. s engleskog. – Banja Luka: Romanov, 2000. – 428 s.
11. Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. – Berkeley: University of California Press, 1985. – 697 p.
12. Jasper J.M. The Emotions of Protest: Affective and Reactive Emotions in and around Social Movements // *Sociological Forum*. – 1998. – Vol. 13, № 3. – P. 397–424.
13. Keyfitz N. Subdividing National Territories: The Drive to Live in a Political Community whose Boundaries are Congruent with the Cultural Community // *Geographical Analysis*. – 1995. – Vol. 27, № 3. – P. 208–229.
14. Levy J.S. The Causes of War: A Review of Theories and Evidence // *Behavior, Society and Nuclear War* / ed. P.E. Tetlock, J.L. Husbands, R. Jervis, P.C. Stern, C. Tilly. – New York: Oxford University Press, 1989. – P. 209–333.
15. Schermerhorn R.A. *Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and*

Research. – New York: Random House, 1970. – 327 p.

16. Schöpflin G. Nations, Identity, Power: The New Politics of Europe. – London: Hurst & Company, 2000. – 404 p.

17. Shroder I.W., Schmidt B.E. Violent Imaginaries and Violent Practices // *Anthropology of Violence and Conflict* / ed. I.W. Shroder, B.E. Schmidt. – London: Routledge, 2001. – P. 1–24.

18. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Cambridge: Blackwell Publishers, 1996. – 312 p.

19. Sumner W.G. Folkways. – Boston: Ginn & Co., 1906. – 692 p.

20. Стоянович М. Война и национальный идентитет // *История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 21–33.*

21. Стоянович М. Историческая и культурная роль войны в формировании и утверждении национального идентитета // *История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 35–48.*

22. Šmit K. Prijatelj-Neprijatelj // *Teorija politike / prir. D. Simeunović.* – Beograd: Nauka i društvo, 2002. – S. 269–284.

23. Tolman E.C. Drives toward War // *War* / ed. L. Bramson, G.W. Goethals. – New York; London: Basic Books, 1964. – P. 159–176.

24. Wedge B. Psychology of the Self in Social Conflict // *International Conflict Resolution: Theory and Practice* / ed. E.F. Azar, J.V. Burton. – Brighton, Sussex: Wheatsheaf Books, 1986. – P. 56–62.

25. Williams R.M., Jr. The Wars Within: Peoples and States in Conflict. – New Delhi: Manas Publications, 2004. – 322 p.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

20. Stoyanovich M. Vojna i nacional'nyj identitet // *Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 21–33.*

21. Stoyanovich M. Istoricheskaya i kul'turnaya rol' vojny v formirovanii i utverzhenii nacional'nogo identiteta // *Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 35–48.*

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».